

**СОБРАНИЕ
СТАРЫХ
И НОВЫХ
ПЕСЕН
ЯПОНИИ**

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-5
С 55

古今和歌集

Перевод с японского, статья и комментарии Александра Долина

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Тексты печатаются по изданию: Кокинвакасю.

Собрание старых и новых песен Японии. СПб.: Гиперион, 2001

Книга рекомендована к печати Ученым советом
факультета МЭиМП Национального исследовательского
университета Высшая школа экономики

С 55 Собрание старых и новых песен Японии / пер. с
яп. А. Долина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус,
2024. — 512 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-25903-4

«Собрание старых и новых песен Японии» («Кокинвакасю») принадлежит к общепризнанным шедеврам японской классики. Невозможно говорить об истории японской поэзии, не упомянув эту книгу. По словам Ки-но Цураюки, составителя антологии, «песни Японии... прорастают из семян сердец людских, обращаясь в бесчисленные листья слов». Изысканная, изящная поэтика, заключенная в строках «Кокинвакасю», описывает окружающий мир в смене времен года, любовное томление, краткий миг счастья перед разлукой... Темы «Кокинвакасю» волнуют и современного читателя, восприимчивого к красоте поэтического слова.

В настоящем издании представлен полный перевод «Собрания песен», сделанный известным востоковедом Александром Аркадьевичем Долиным, а также его вводная статья и подробные комментарии.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-5

© А. А. Долин, перевод, статья, комментарии,
указатель, 2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-25903-4

В МИРЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ВАКА

РАСЦВЕТ КУЛЬТУРЫ ХЭЙАНА

«Собрание старых и новых песен Ямато» («Кокинвакасю») принадлежит к общепризнанным шедеврам японской классики эпохи Хэйан (794–1192). Антология увидела свет почти на сто лет раньше, чем такие известные памятники, как «Повесть о блистательном принце Гэндзи» («Гэндзи-моноготари») Мурасаки Сикибу или «Записки у изголовья» («Макурасоси») Сэй Сёнагон. По сути дела, то была первая попытка культурной самоидентификации на новом этапе исторического развития нации. Не случайно вслед за «Кокинвакасю» по указу императоров на тех же принципах в течение нескольких веков было составлено еще двадцать придворных поэтических антологий. Правда, все они, кроме «Нового собрания старых и новых песен Ямато» («Синкокинвакасю»), едва ли заслуживают сравнения с родоначальницей жанра.

Нельзя сказать, что поэзия «Кокинвакасю», охватывающая в основном IX — начало X века, возникла на пустом месте. Ей предшествовала колоссальная антология VIII века «Собрание мириад листьев» («Манъёсю»), которая определила все жанровые особенности *вака* и заложила мощный фундамент для развития японской поэзии. Однако почти двухвековой

разрыв между «Манъёсю» и «Кокинвакасю» не лучшим образом сказался на судьбе вака: он привел к временному упадку всей старояпонской культуры, в том числе и поэзии.

Уже с V–VI веков, со времени проникновения письменности на Японские острова с материка, официальным языком общения знати был китайский. Эта «латынь Восточной Азии», разумеется, не утратила своей роли и в эпоху Нара (710–794), когда составлялась «Манъёсю». Поскольку никакой оригинальной системы письменности для записи японских стихов тогда не существовало, составители «Манъёсю» прибегли к сложному кодированному письму под названием *манъёгана*. Впоследствии многим филологам Средневековья и Нового времени пришлось поломать голову над расшифровкой текстов «Манъёсю». Они были трудночитаемы уже к завершению эпохи Нара, в конце VIII века.

Между тем китайская культура продолжала оказывать все возрастающее влияние на японскую аристократию. Апофеозом процесса «китаизирования» фактически и явился перенос столицы из Нары в Хэйан-кё (будущий Киото) — «столицу Мира и Покоя», — где император Камму намеревался обустроить свою резиденцию по образу и подобию властителей Поднебесной.

Хэйан строили по строгому плану, в полном соответствии с традициями восточного градостроительства и рекомендациями жрецов-геомантов. Город лежал в долине, с трех сторон окруженной горами, — не слишком глубокой, омываемой двумя реками. Современный Киото сохранил почти все особенности планировки Хэйана, прототипом которого в свою

очередь послужила танская столица Чанъань. Хэйан представлял собой вытянутый с севера на юг прямоугольник, окруженный земляным валом, общей площадью около 26 кв. км. По обе стороны от центрального проспекта Судзакуодзи располагались в северной и особенно в северо-восточной части города подворья аристократических семей, а в южной — кварталы ремесленников и городской бедноты. С севера на юг в строгом геометрическом порядке тянулись одиннадцать улиц, с запада на восток — девять проспектов. В пространстве между ними строились дома и храмы.

Огромный комплекс императорского дворца помещался в северной части города. Строения были обнесены двумя рядами стен с двенадцатью воротами. Внутри находилось множество архитектурных ансамблей — парадных залов, павильонов, флигелей, помещений государственных ведомств, Книжной палаты, кордегардии Правого и Левого крыла, залы для театральных представлений...

Усадьбы вельмож, как и дворец микадо, являли собой сочетание строгого архитектурного изыска с изощренным садово-парковым дизайном в национальном стиле. В середине помещался главный корпус (*синдэн*), от него на восток и на запад расходились флигеля, соединенные крытыми переходами — галереями. От флигелей к югу тянулись различные службы, образуя замкнутый прямоугольник. Пейзажный парк внутри прямоугольника изобилдовал искусственными горками, водопадами, ручьями, воспроизводящими в миниатюре картины живой природы. Слива, сакура, клены и сосны соседствовали с экзотическими породами деревьев. Круглый год распус-

кались поочередно цветы — особые для каждого сезона.

Все здания стояли на сваях, будучи немного приподняты над землей. Интерьер жилых помещений мало отличался от залов торжеств: пустые комнаты почти без мебели. Низенький столик с угощением слуги вносили и уносили по необходимости. На полу — толстые соломенные циновки, образующие сплошной настил. Жизнь протекала на соломенном полу — здесь сидели на коленях за разговором, пировали, музицировали, спали, постелив в изголовье широкие рукава одежд. Комнаты лишь условно разделялись расписными ширмами или перегородками из вощенной бумаги, которые легко было снять. Такие же стены, из вощенной бумаги, отделяли комнаты от улицы. Снаружи вдоль всего подворья тянулась дощатая веранда под навесом, укрывавшим от солнца и дождя.

Население Хэйана в IX веке составляло примерно 100 тысяч человек, из которых на долю аристократических семейств и чиновничества приходилась десятая часть. Эти десять тысяч человек и составляли весь культурный социум столицы.

Эпоха Хэйан знаменуется для Японии переходом от архаических форм абсолютной монархии к сословному иерархическому государству, где власть принадлежала родовой аристократии. Верховным правителем оставался, разумеется, микадо, но в течение нескольких веков императоры правили страной под неусыпным наблюдением и контролем канцлеров-регентов из могущественного рода Фудзивара. По обычаю императорам предписывалось жениться на девушках из рода Фудзивара — при этом дед матери

августейшего владыки становился регентом почти автоматически. Регенты (*кугё*) вместе с тремя высшими министрами (*дайнагонами*) и надворными советниками (*сангу*) составляли верхушку дворцовой знати, входящую в Верховный совет. Прочие сановники располагались в соответствии с сословной таблицей о рангах, получая соответственно рангу чины, звания, должности, земли, деревни с крестьянами, а также особняки, экипажи, шелка на одежду и многое другое. Обширные поместья знати не ограничивались, конечно, городскими усадьбами в Хэйане и старой столице Нара. У многих были прекрасные наследственные имения в провинции, однако жить все предпочитали недалеко от резиденции монарха. Хозяйства были так велики и громоздки, что требовали особого штата чиновников для управления (т. н. система *мандокоро*). Как и выходцы из наиболее родовитых семейств, эти чиновники тоже получали доступ ко многим государственным постам и должностям. Помимо службы, в столице существовала разветвленная сеть управления в провинциях, но и на периферии все ключевые посты занимали «командированные» представители хэйанской знати, которые нередко проводили долгие годы вдали от столицы. Жены и подрастающие дети сановников обычно служили при дворе хотя бы некоторое время, чтобы вникнуть в сложные особенности дворцового ритуала и приобщиться к сокровищнице культуры.

Культура Хэйана складывалась из синтоистских обрядов, граничащих с шаманством и магией, мистического даосизма и пришедшего из Китая конфуцианства оккультного толка. Синтоистские мифы, исторические предания, собранные в «Записях дея-

ний древности» («Кодзики») и «Анналах Японии» («Нихонги») (VIII век), отголоски поэзии «Манъёсю», конечно, оказывали некоторое влияние на образованных жителей столицы, но постепенно отходили на второй план, уступая место «китайским наукам». Буддизм, позволяющий интерпретировать все прочие верования и учения как манифестацию всеобъемлющего и вездесущего тела Будды Вайрочаны, как бы связал в синкретическое единство разрозненные и зачастую противоречивые воззрения обитателей Хэйана, их представления о человеке и его месте в мире. С буддизмом пришла идея кармы, воздаяния за содеянное и в нынешнем, и в предыдущем рожденьях, идея бренности жизни и ее печальной прелести, зовущей наслаждаться каждым мигом бытия.

Система образования для патрицианской знати в Хэйане была поставлена очень серьезно. Частные учителя в семьях вельмож были всегда, но в самом начале IX века впервые появилась специальная школа для молодежи. Основателем ее стал буддийский подвижник Кукай, известный также под именем Кобо-дайси (774–835). В школу Сюгэй-сюти-ин принимались дети чиновников ниже шестого ранга и даже простых горожан, что весьма содействовало распространению грамотности. Объектом изучения служили в основном китайские классики.

Для высшей аристократии был открыт университет (Дайгаку-рё), включавший четыре факультета. Наиболее престижным из них считался факультет «китайских наук», историко-филологический, студенты которого фундаментально штудировали древнекитайских авторов. Здесь обучалось одновременно до 400 человек. На остальных факультетах (юридичес-

ком, историческом и математическом) было всего по десять слушателей. Обучение велось по китайскому образцу и включало в той или иной степени все шесть конфуцианских искусств: ритуал, музыку, литературу, математику, стрельбу из лука, управление колесницей. Первостепенная важность придавалась ритуалу, который вносил порядок и смысл в иерархическую систему ценностей хэйанской аристократии. Только выпускники университета могли рассчитывать занять место чиновника в одном из придворных ведомств или в администрации провинций.

Собственные школы имели многие знатные аристократические семьи: Фудзивара, Татибана, Ариварара, Сугавара, Вакэ, однако эталоном для них оставался все же университет. Выдающиеся ученые-конфуцианцы знакомили будущих государственных деятелей и литераторов с трудами Конфуция и Мэн-цзы, Лао-цзы и Чжуан-цзы, с «Историческими записками» Сыма Цяня и поэтическими текстами. Важнейшим пособием по литературе служил знаменитый «Изборник» («Вэнь сюань»), составленный около 530 г. как хрестоматия поэзии и прозы периода шести династий (220–589).

Начало IX века было ознаменовано появлением первой японской азбуки *хираганы*, честь создания которой приписывается Кукаю (несколько позже звуки той же азбуки стали записываться знаками другой системы — *катакана*). Таким образом, впервые появилась реальная возможность писать на японском языке, и ею в полной мере воспользовались прежде всего поэты.

Тем не менее в начальный период эпохи Хэйан влияние китайской культуры было явно преоблада-

ющим в жизни аристократии. Оживленная торговля с континентом и постоянный приток монахов, ученых, ремесленников из Китая и Кореи формировали вкусы, определяли эстетику быта и нормы поведения. Только в конце IX века, когда властители Поднебесной стали требовать от японского монарха признания вассальной зависимости от танского Китая, официальные контакты были частично свернуты.

Вполне естественно, что дворцовая библиотека и частные собрания вельмож были составлены почти исключительно из китайской классики. Судя по каталогу, опубликованному в 90-е годы IX века, к тому времени на японских островах имело хождение около 1600 названий китайских книг, которые усердно переписывались и размножались. Кроме того, все заметнее в литературном мире становилась роль сочинений на китайском языке, принадлежащих самим японцам: справочников, философских трактатов, эссе, путевых записок и исторических хроник. Писать на китайском считалось благородным занятием, а сложение «китайских стихов» в подражание великим поэтам Поднебесной являлось нормой высшего образования.

Огромной популярностью пользовались у хэйанских поэтов «бурные гении» эпохи Тан — Ван Вэй, Ли Бо, Ду Фу и особенно Бо Цзюйи. Сборники Бо Цзюйи, завезенные на острова китайскими купцами, ценились на вес золота.

Немалый вклад в китаизирование японской культуры внесли религиозные деятели, прежде всего Кукай и Сайтё (767–822), которые пропагандировали заимствованные из Китая учения буддийских сект.

12 Правда, значительную часть текстов они перелagали

на японский, но высокообразованное духовенство, как правило, обращалось и к китайским источникам.

Японский при этом все же оставался языком бытового общения даже при императорском дворе, и традиции «японской песни» — *вака* — не были окончательно утрачены. Ничего удивительного, что к середине IX века, когда поверхностное копирование китайских образцов уступило место вдумчивому анализу, в кругах придворной аристократии начался процесс возрождения национальной самобытности. Поскольку считалось, что именно *вака* с наибольшей силой воплощают «дух земли Ямато», именно с них начался подъем национального самосознания, как это неоднократно случалось и впоследствии — в XVIII веке, в период расцвета школы «отечественной науки» (*кокугаку*), и в конце XIX века, в годы великих реформ Мэйдзи.

ПОЭТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Длившийся несколько веков гражданский мир, социальный порядок и экономическое благополучие способствовали формированию культуры хэйанской аристократии как культуры глубоко гедонистической по духу и высокоэстетической по мирозерцанию. Любовные утехы, занятия искусством и созерцание красот природы определяли смысл жизни мужчин и женщин из аристократических семей. Все три компонента существовали в неразрывном единстве, и каждый воспринимался только в отраженном свете двух других. Образ возлюбленной осмысливался через образы, навеянные созерцанием природы, и облекался в изысканные поэтические формы. Любовь же влек-

ла художника на лоно природы и побуждала запечатлеть свои чувства в пейзаже на свитке.

С середины IX века *вака* (иначе — *танка*, *ута*) становится для придворной знати наиболее распространенной и наиболее изысканной формой самовыражения — особенно в куртуазной любви. И кавалеры, и дамы изливали свои чувства в аллегорических образах — достаточно клишированных, но оттого не менее выразительных. Обращаясь к даме с любовными признаниями, кавалер обычно посылал гонца с поэтическим посланием, привязанным к цветущей ветке сливы или вишни. По правилам хорошего тона дама обязана была ответить ему также в стихах. Нередко ухаживание перерастало в своеобразный поэтический диалог. Весь дальнейший ход романа также определялся эстетическими условностями. Добившись взаимности и проведя ночь у возлюбленной, кавалер, по обычаю, должен был, вернувшись к себе, наутро отправить даме пятистишие с утонченными комплиментами и уверениями в вечной любви. Дама же была вольна отвечать или не отвечать. Нередко, если кавалер охладевал в своих чувствах и переставал навещать избранницу, последняя обращалась к нему с иносказательным упреком — разумеется, в форме *вака*, поскольку любая иная форма считалась абсолютно неприличной и неприемлемой. Множество подобных примеров мы видим в «песнях любви». Поэтические диалоги влюбленных оказали огромное влияние на развитие новых литературных жанров — дневника (*никки*) и повести со стихами (*ута-моногатари*). Не случайно ряд эпизодов «Повестей из земли Исэ» («Исэ-моногатари») почти дословно совпадает с текстом «Кокинвакасю». Это относится

прежде всего к описанию походов знаменитого ловеласа Аривара-но Нарихиры.

В Хэйане сложился культ *моно-но аварэ* — «очарования всего сущего», «прелести бытия». Для аристократов духа, к каковым себя относили все без исключения хэйанские патриции, все сущее представлялось наделенным высшим смыслом, скрытой или явленной красотой, неизбывным очарованием. Правда, при этом предполагалось, что предметам грубым и низменным вообще нет места в эстетической вселенной — все они остаются в удел бездушному, необразованному простолюдину. Именно ощущение *моно-но аварэ* должно было придать сладость и горечь, терпкую прелесть всей недолговечной жизни человека в этом мире, умирающей и обновляющейся, постоянной в сменах природы. Ощущая себя частичей изменчивого, пульсирующего мира, человек стремился как бы открыть для себя знамения вечности, закодированные в алой листве клена, неожиданном снегопаде, в бело-розовой дымке вешнего цветения сакуры, в искрящихся брызгах водопада, в кличе диких гусей, в первой трели соловья или в грустной песне осенних цикад.

От рождения и до смерти хэйанские аристократы обитали в некоем искусственном мире, умышленно оторванном от прозы жизни. Эстетизация всех сторон была их идеалом, и к осуществлению этого идеала они стремились весьма настойчиво, каждый свой шаг обставляя как ритуальное действие: будь то прием у императора, торжественный выход на богомолье или досужие забавы. Государственные обязанности отнимали у сановников не так уж много времени, поэтому много сил и воображения они посвяща-

ли организации досуга. Отсюда берут начало такие обычаи, как, например, выезд в горы для любования цветами, путешествия в края, славящиеся красотой пейзажа, совместное созерцание полной луны осенней ночью — обычаи, вошедшие в плоть и кровь японского народа и сохранившиеся по сей день. Иные развлечения связаны с календарными праздниками — танцы, театральные мистерии, музицирование, стрельба из лука, скачки, а также паломничество в храмы.

Не без влияния Китая привились при хэйанском дворе всевозможные виды состязаний в области изящных искусств. Сюда относились и состязания по составлению букетов, и угадывание запахов благовоний, и рисование картин. Во многих состязаниях важную роль играли поэтические экспромты.

На поэтических турнирах — *утаавасэ* — участники разделялись на две команды. Ход турнира определяла судейская коллегия. По сигналу кто-либо из первой команды произносил экспромт — *танка* на заданную тему. Представитель другой команды отвечал пятистишием на ту же тему, по возможности в пандан к предыдущему стихотворению. Затем следовала ответная *танка* — и так далее. Стихотворений могло быть совсем немного, но порой набиралось и несколько сотен. Все они записывались и оценивались судьями, а в конце турнира торжественно объявляли победителей. Стоит заметить, что турниры *хайку* в современной Японии иногда все еще проводятся по сходным правилам.

Нередко поэзия дополнялась живописью (*завасэ*) — поэты должны были слагать стихи на темы картин, показанных противником, или же всем надлежа-

ло слагать стихи на сюжет одной картины. На «цветочных» турнирах — *ханаавасэ* — стихи слагались о цветах, которые показывала команда противника. Цветы обычно соответствовали сезону: весной — цветущие ветви сливы, сакуры, ранним летом — ирисы, осенью — хризантемы. Сами цветы служили как бы живым дополнением к пятистишию, которое обычно привязывалось к стеблю или ветке, написанное на узкой полоске бумаги.

Правление императора Ниммё (833–850) ознаменовалось оживлением поэтических турниров, участники которых слагали пятистишия на заданные темы (*кудай-вака*). Обычно темой служила строка из известного китайского стихотворения. Постепенно китайская поэзия перестала диктовать моду в стихосложении, и поэты обрели большую самостоятельность в выборе тем, использовании тропов, композиции и подборке лексики. Хотя китайская классика, прекрасно известная поэтам из аристократических семейств, всегда оставалась незримым фоном *вака*, что подтверждается хотя бы категориями китайской поэтики, о которых упоминает в своем предисловии Цураюки, но попытки классифицировать японские пятистишия по китайским меркам были, скорее, ритуальной данью литературным условностям. Образы стихов порой еще выдавали родство с китайскими прототипами, но сам строй новой поэзии *вака*, ее лирическая тональность и подбор художественных приемов были уже сугубо японскими, восходящими к поэтике «Манъёсю». Принцип «китайская ученость — японский дух», определивший на века дихотомический путь развития японской культуры, вероятно, впервые оформился именно в ранний пе-

риод Хэйан, и антологию «Кокинвакасю» можно считать яркой его манифестацией.

Во многих родовитых семьях сочинение *вака* стало видом благородного времяпрепровождения наряду с живописью, каллиграфией и упражнениями в воинских искусствах. Составлялись домашние родовые антологии и индивидуальные сборники, не предназначенные для широкой аудитории. Особенно заметный вклад в дело развития *вака* внесли семейства Аривару, Ки, Минамото, Оно, Тайра и, конечно же, могущественный разветвленный род Фудзивара. Японской песне покровительствовали как сами императоры, так и знатнейшие придворные сановники: принцы Корэтака и Цунэясу, канцлер-регент Фудзивара-но Ёсифуса, министр Аривару-но Юкихира. Вокруг них складывались поэтические кружки, в их резиденциях проводились турниры *утаавасэ*.

Составители «Кокинвакасю» включили в антологию по несколько десятков стихов со знаменитых поэтических ристалищ, проходивших в усадьбе Аривару-но Юкихиры (где-то между 884 и 887 годами), в покоях матери царствующего императора Уда и вдовы императора Коко в годы правления Кампё (в 893 году), в покоях принца Корэсада (в 898 году). На турнирах оттачивалась техника стиха, вырабатывались четкие законы поэтики, а также принципы тематической группировки стихотворений, которые в дальнейшем с успехом применялись составителями «Кокинвакасю» и других придворных антологий.

Среди августейших поклонников *вака* в первую очередь следует упомянуть императоров Монтоку, Коко, Уда и, разумеется, Дайго, в правление которого увидела свет «Кокинвакасю». Императоры поощ-

ряли проведение турниров, а помимо этого, делали все для того, чтобы сложение вака превратилось в норму повседневного придворного быта. Так, микадо мог под настроение поручить любому из придворных сложить пятистишие на заданную тему или устроить небольшое импровизированное состязание. Поводом для упражнений в изящной словесности для поэтов из свиты становились императорские выезды за город: например, путешествие Коко-микадо к реке Аракава, поездки Уда-микадо в Китано, к храму Урин-ин, в Фунаоку, к реке Ои и др. В «Кокинвакасю» мы найдем немало вака, написанных «по высочайшему повелению», причем некоторые стихи были сложены по заказу и затем собственноручно запечатлены авторами на красочных складных ширмах во дворце как дополнение к пейзажным картинам.

Бесспорным поводом для сложения вака становились также всевозможные чествования и юбилеи. Такого рода стихи «к случаю» вошли в свиток «Песни-славословия». Правда, с точки зрения художественных достоинств эти стихи наименее интересны, но практика обмена поэтическими поздравлениями весьма способствовала популяризации вака.

Именно в эпоху «Кокинвакасю» окончательно закрепляется эстетическая основа японской поэзии, особое эстетическое мироощущение, которое в течение двенадцати веков будет доминировать в душе художника «высоких» жанров. Ощущение присутствия Абсолюта и изображение частных частей как частей великого Целого, универсума всегда как бы ставит художника в зависимое положение от всего, что его окружает на земле. И в этом — кардинальное отли-

чие взгляда японского поэта, художника от его западного собрата. Он не творец, не демиург — он лишь медиум мироздания, стремящийся найти предельно лаконичную форму для передачи уже существующей, воплощенной в природе прелести бытия. Оттого-то преобладает в японской поэзии элегическая тональность, и даже страстные порывы облекаются в форму печального раздумья. Ведь понять этот мир, выявить *моно-но аварэ* — это значит принять все жизненные невзгоды, пусть с сожалением, с грустью, но без напрасного протеста, как принимает их все живое на земле.

Сознавая себя частицей мироздания, японский поэт времен «Кокинвакасю» ни на минуту не может представить себя и свое творчество вне мира природы, вне знакомых с детства гор и вод, цветения вишен, птичьих песен. Его образному мышлению совершенно чужда метафизическая абстракция — общее место европейской средневековой поэзии. Ни единого отклонения от реалий окружающего мира мы не найдем в поэтике *вака*. Дарование же поэта сказывается в том, насколько глубоко сумел он увидеть свое «Его» сквозь призму явлений природы, насколько тонко сумел передать в скрытой ли метафоре, в неожиданном ли сравнении великое таинство жизни, суть бесконечных метаморфоз, через которые всем суждено пройти.

Под дождем я промок,
но сорвал цветущую ветку,
памятуя о том,
что весна окончится скоро,
что цветенье недолговечно...

(Аривару-но Нарихира, № 133)

Поэзия *вака* всегда конкретна, но вместе с тем и всегда дискретна. Чаще всего она находится вне исторического времени, лишена всяких конкретных исторических примет. Локализовать такое стихотворение во времени и пространстве помогают порой лишь названия-интродукции, поясняющие обстоятельства, при которых пятистишие было сложено. *Танка* же живет своей жизнью, как бы обращенная в вечность, ко всем и ни к кому, — заключенное в нескольких слогах впечатление момента.

Со времен «Манъёсю» начала, а ко времени «Кокинвакасю» фактически закончила формироваться лексико-образная база классической *вака*. Произошло окончательное разграничение на «поэтические» и «непоэтические» темы, слова, образы, грамматические обороты. Даже начинающий поэт заведомо не мог допустить погрешности против правил «хорошего тона» в поэзии — соблюдать установленные правила игры обязан был каждый. Поскольку правила были жестко канонизированы, предполагалось, что научить элементам стихосложения (как и музыки, рисования) можно любого человека. И действительно, умение объясняться на языке поэзии стало для хэйанского аристократа столь же необходимым, как для русских дворян XIX века — умение объясняться по-французски.

При такой жесткой стандартизации языка и тропов авторское начало неизбежно должно было отодвинуться на второй план. В сущности, так и произошло, что видно уже из композиции «Кокинвакасю» и многих последующих антологий: «вписанность» стихотворения в определенный тематический цикл, раздел, свиток гораздо важнее авторства. Иначе го-

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

СОБРАНИЕ СТАРЫХ И НОВЫХ ПЕСЕН ЯПОНИИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Ольга Золотова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.06.2024.
Формат издания 70 × 102^{1/32}. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 21,12. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

A-PTR-34878-01-R